

Александр Тетельбойм с женой Эллой и сыном Рональдом

Эдуард Тополь

ЧУДЕСА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В ночь с 18 на 19 сентября 1991 года, сразу после Йом Кипура в Катскильских горах началась гроза. И какая! Гром шарахал огненными копытами так близко, что если бы я не постился весь Йом Кипур, то подумал бы, что это Он пришел по мою душу. После каждого удара громомолнии гасло электричество, дачка подпрыгивала, как откатное орудие, а два соседних дуба сыпали на крышу тяжелыми, как гранаты, желудями.

Короче, это была еще та ночь!

Но поскольку я весь Йом Кипур держал сухой пост и даже молился, как умел, утром и вечером (а после Йом Кипура сходу, натошак принял коньячку), то чувствовал себя в полной безопасности и к часу ночи уснул здоровым сном праведника и с твердой верой увидеть утром яркое солнце.

Однако утром солнца не было.

Едва я проснулся и еще лежал в полудреме, раздался телефонный звонок. Это мои канадские друзья сообщали, что через час выезжают из Торонто в Нью-Йорк и специально поедут по 17 дороге, чтобы я спустился к ним с гор, перехватил их в районе Монтиселло и выпил с ними чашку кофе.

Я сказал: «О'кей, звякните мне за 50 миль до Монтиселло, мне тут 20 минут до 17 дороги!». После этого я натянул плавки и, хотя за окном моросил дождь, смело отправился к озеру делать зарядку и плавать. Хотя прошлым летом в это же время я совершенно подыхал, не мог ни ходить, ни нагнуться, ни даже машину водить и, как сказал мне один врач, был на шаг от инфаркта, экстрасенс Александр Тетельбойм вернул меня к жизни, и этим летом я так обнаглел, что трижды в день, в любую погоду плавал чуть ли не до середины Mohican Lake и вообще чувствовал себя как Рембо.

И вот, в образе эдакого еврейского Рембо, я утром 19 сентября отправился на озеро, яростно размахивая руками и вдрызг разбивая ими струи холодного дождя. Но на озере был еще и ветер — сильный, пронзительный северный ветер, черт бы его побрал.

Однако я так вошел в образ Рембо, что меня уже ничто не могло остановить. Я стал еще яростней размахивать руками, ворочать камни, делать приседания и прочие упражнения, чтобы потом, разгорячась, сигануть в воду и с юношеским задором плыть навстречу ветрам и непогоде! Пусть сильнее грянет буря! — говорил я себе в порыве гордого романтизма.

И вдруг — как будто ожогом рот скривило господину! — штыковой удар в область поясницы заставил меня сложиться буквой «г» и вернул в лето 1990 года. «О-о! — сказал я себе — Радикулит! Бегом домой, Рембо несчастный! Идиот!

Но даже и более крепкие русские выражения в сочетании с торжествующим ветром и презрительно холодным дождем не могли ускорить мое позорное бегство с Mohican Lake — медленным шагом, в позе буквы «г» и на прямых ногах.

Тем, у кого бывают приступы радикулита, не надо объяснять почему я не мог двигаться быстрее, а те, кто никогда еще не испытывал присутствие штыка в позвоночнике, все равно не поймут.

Взойдя на карачках по ступенькам дачного крыльца, я — в такой же позе омара — добрал до ванной, включил горячую воду и стал греть поясницу струями кипятка, заодно громко награждая себя всеми звучными титулами, какие только есть в великом и могучем русском языке. Благо на даче никого, кроме меня, не было, да и на соседних — тоже.

Через двадцать минут горячая вода кончилась, а боль — нет.

«Ничего, — сказал я себе. — Главное, не паниковать. Как-нибудь разойдется...»

Я наклеил себе на спину японский согревающий пластырь — о, я еще в прошлом году так экипировался против радикулита, армейский госпиталь не имеет столько лекарств! — и сел работать.

Но через пару часов понял, что от этого пластыря мне только хуже — вся спина вспотела, а толку нет.

И вот, начиная уже беситься от боли и бессилия, я выключил компьютер, разложил на кровати «импликатор Кузнецова» — эдакий модернизированный пластмассовый заменитель гвоздей, на которых спал Рахметов, — и, вскрикивая от боли, лег, как Рахметов, голой спиной на эти 2000 мелких иголок.

Тут, для незнающих, я должен сказать, что этот «импликатор Кузнецова» (сотня пластмассовых квадратиков с 16 иголками в каждом) — прекрасная штука, отлично помогает от усталости и мелких ноющих болей в спине и пояснице. В Москве, в любой аптеке этот импликатор еще недавно стоил всего 6 рублей.

Но, к несчастью, у меня были не ноющие боли, у меня штык торчал в спине по самую рукоятку и никакой импликатор вытащить его не мог — ни за полчаса, ни за час, ни за полтора.

А мои канадские друзья ехали тем временем по 17 дороге и, по моим расчетам, уже вторглись в Катскильские горы.

После полутора часов лежания на иголках и мысленных упражнений на расслабление мышц всего тела я понял, что если немедленно не позвоню Александру Тетельбойму и не попрошу его сотворить чудо по телефону, то не видать мне моих канадских друзей.

Но как же мне позвонить Тетельбойму, если я повернуться не могу? Телефон-то, ложась в постель, я рядом поставил — в ожидании звонка канадских друзей, но телефонная книжка — черт-те где, аж в трех шагах! А у меня не то, что от шагов, у меня от каждого шевеления штык поворачивается в позвоночнике!

И вот, дорогие друзья, лежу я и думаю как бы мне снова в Рембо превратиться хоть на три шага, чтобы до телефонной книжки дотянуться. Но чувствую — никогда в жизни! Я вам не Александр Матросов, не Зоя Космодемьянская и не генерал Карбышев! Саша, думаю, Саша Тетельбойм, если вы уж такой экстрасенс, как я про вас в прошлом году в газете расписал, услышьте меня! Услышьте меня и позвоните мне!

Но нет, никто не звонит, молчит телефон, а время идет — уже три часа, три пятнадцать. По всем моим расчетам мои канадские друзья вот-вот будут в Монтиселло.

А тут как раз и телефонный звонок. И в полной уверенности, что это мне с предгорьев Монтиселло мои друзья звонят и что сейчас я услышу от них пару теплых слов по поводу того, что они ради меня сто миль крюку сделали, а я такой-растакой не могу в Монтиселло приехать, я обреченно снимаю трубку, подношу ее к уху и слышу:

— Эдуард, здрасти. Как поживаете!

Хотите — верьте, хотите — нет: Александр Тетельбойм, из Бостона.

Я от удивления молчу, даже на «здрости» не отвечаю.

А он:

— Вы меня слышите?

— Угу... — мычу. — Слышу.

— Спасибо вам за поздравление по поводу рождения моего сына...

У меня отлегло от сердца. Никакая это не телепатия на расстоянии и никто, слава Богу, мои мысли еще не читает ни в Бостоне, ни в Монтиселло. А просто совпадение — он получил мое поздравление и звонит, чтобы поблагодарить. Мог бы, конечно, и завтра позвонить, и через неделю, но позвонил сегодня. Нормально.

— Вот что, Саша, — говорю я спустя минуту. — Вы мне когда-то говорили, что можете лечить по телефону. И сейчас вам придется поработать. Утром я, как Рембо, пошел в грозу делать зарядку на озеро, и меня схватил радикулит. И вот я уже два часа лежу на иголках, а толку никакого. Вы можете меня поднять?

— Конечно, — говорит Саша с улыбочкой в голосе. — Значит, так. Положите трубку удобно возле уха и слушайте меня внимательно. Устроились? Очень хорошо. Начинаем расслабление с большого пальца на левой ноге... Большой палец на левой ноге расслабился...

— Слушайте, Саша, — перебил я. — Я это расслабление уже три раза проделал снизу доверху и сверху донизу...

— Ничего, — говорит. — Вы меня не перебивайте. Я вам не только упражнения диктую, я вам в это время энергию посылаю. Давайте сначала: большой палец на левой ноге расслабился... Еще больше палец расслабился... Следующий палец начинает расслабляться...

Я лежу, слушаю. Мысленно, как попугай, повторяю его слова и стараюсь все внимание держать на этих пальцах... голени... спине...

Минут через семь слышу:

— Все, вставайте.

— То есть, как?

— А так, — смеется Тетельбойм. — Вставайте да и все. Я вас уже вылечил. У вас было защемление с левой стороны, а теперь его нет. Вечером я вам позвоню, проверю как вы будете себя чувствовать.

И — представьте себе, какой нахал! — положил трубку.

Ну, и я тоже положил трубку, но в тот же миг прозвучал новый звонок.

— Алло! Мы в тридцати милях от Монтиселло. Где встречаемся?

Я сел в кровати и с удивлением обнаружил, что ничего не болит.

— 105-й экзит, первый Мак-Доналд справа, — сказал я.

— Бай, си ю сун, — сказали мне.

Я положил трубку и встал с кровати.

Спина была как новенькая — хоть снова беги на озеро.

Я вспомнил, как Саша сказал мне однажды после сеанса:

— Пожалуйста, теперь несколько дней никаких резких движений. Тяжестей не поднимать и вообще-поймите: я вам сейчас сделал операцию, только без скальпеля. Вот и ведите себя как после операции. Щадяще.

Но как я мог вести себя «щадяще», когда мне через 20 минут нужно быть в Монтиселло?

Я натянул штаны и два свитера, прыгнул в машину и погнал по горной дороге вниз, в Монтисело. Встретил друзей, выпил с ними кофе, потрепался с часок, пожелал им солнечной погоды на Бермудах — они назавтра отправлялись туда в круиз — и поехал в соседний «Great American» за продовольствием. Правда, в спине стала шевелиться какая-то сволочь, но, с другой стороны, и голод — не тетка: дома холодильник был пуст.

Закупив продукты, я погрузил их в багажник и вернулся на дачу. Было уже темно, снова шел дождь.

И когда я выгружал свои пакеты и сумки, новый штычок вошел мне в поясницу и сказал: «Ага, попался!»

«Попался... Виноват...» — вздохнул я, бросил эти пакеты на кухне нераспакованными и стал звонит Тетельбойму.

— Ничего страшного, — сказал он. Ложитесь на иголки и спите. А утром в 9.30 налейте в стеклянную банку воду, эдак в пол-литра, сядьте в кресло, расслабьтесь и держите банку двумя руками. Я буду посылать вам энергию.

— По телефону?

— Нет. Так. Без телефона, без ничего. Договорились? Ровно от 9.30 до 10.00. Спокойной ночи.

Ну? Что бы вы сделали на моем месте?

Только уточним: что бы вы сделали на моем месте, если бы у вас в спине торчал штык — ну, не такой, как утром, не по рукоятку, а до половины?

Я лег на иголки, через час мне слегка полегчало, и еще через час, приняв снотворное, я уснул. Но ночью, при малейшем повороте, просыпался от боли в спине и нянчил эту боль сквозь сон до самого утра.

Утром — делать нечего, штык-то опять торчит в пояснице, боль адская — залил стеклянную банку холодной водой из крана, сел в кресло, откинулся к спинке и ровно в 9.30 закрыл глаза, сказал себе мысленно:

— Начинаю расслабление с большого пальца. Большой палец на левой ноге расслабился. Все больше и больше расслабился палец...

Через пару минут, расслабив таким образом ноги, спину и вообще все тело, сказал сам себе:

— Я открыт... Я открыт... Начинаю прием... Саша, вы меня слышите? Начинаю прием энергии...

Ничего не произошло.

Но я уже был подготовленный и знал — терпение нужно, господа.

Поэтому я мысленно продолжал:

— Я открыт... Я открыт космосу... Начинаю прием энергии. Начинаю прием энергии... Все тело расслаблено... Никаких посторонних мыслей... Принимаю энергию... Принимаю энергию...

Какое-то теплое пятно появилось в затылке. Точнее — между затылком и лбом. Я, конечно, не поверил своему ощущению, но решил и не спугнуть его. Просто продолжал твердить мысленно:

— Прием энергии... Прием энергии... Все тело расслаблено... Никаких посторонних мыслей... Веду прием...

Теплое пятно в черепе стало шире, глубже и как-то высветилось. Словно свет в меня входил, теплый солнечный свет.

От удивления — никогда в жизни я не испытывал ничего подобного (ну, сидел, конечно, на солнцепеке, но тогда солнце грело всего меня, всю голову, а тут — только правильно очерченный теплый круг величиной с коньячный бокал) — от удивления, повторяю, я дернулся, вода из банки выплеснулась на ноги, но, странно, она не была холодной.

— Стоп! — сказал я себе. Не отвлекайся!

Но было поздно — мысли о воде сбили меня с приема, теплое световое пятно в голове исчезло. Пришлось настраиваться заново. Через минуту такое же, как в начале настройки пятно вернулось. Теперь я уже верил в него, чувствовал его, грелся в нем. И только просил: — Ниже! Проходи ниже, пожалуйста! В позвоночник и вниз по позвонкам, пожалуйста!

И мысленно вел, толкал это сноп тепла и света по спине к пояснице.

Но, честно говоря, никакого движения этого снопа не ощущал, он только грел мне череп. А иногда — словно иголки входили в поясницу. Не штык, как раньше, но болезненные, жалящие иголки...

Через какое-то время я почувствовал, что устал. Уже не было ни сил, ни желания концентрироваться на приеме энергии, фокусировке этого снопа света и тепла. Мысли отвлекались на что-то постороннее.

Я посмотрел на часы. Было без двух минут десять.

— Все, — сказал я мысленно. — Все, Саша. Передаете вы мне энергию или нет, я отключаюсь. Не могу больше. Роджер. Отбой.

И встал с кресла.

Спина не болела.

Совсем не болела. Нигде.

Прозвучал звонок. Я снял трубку. Тетельбойм:

— Как дела?

— Пока ничего не болит. Но во время сеанса были острые пристрельные боли в позвоночнике.

Тетельбойм:

— Конечно. Это энергия проходила туда, где нерв был защемлен.

Я:

— А что делать с водой?

Тетельбойм:

А с водой так. Налейте часть воды в емкость величиной с кубик или пластиковый пакетик и заморозьте в морозильнике. А остальное пейте, прямо сейчас выпейте грамм сто пятьдесят. А кубик льда приложите, когда замерзнет, к копчику. И держите минут тридцать. Энергия пойдет изо льда в позвоночник и все будет в порядке. Вы поняли?

— Понял...

В книге московского экстрасенса Файнберга «Здесь и теперь» герой тоже заряжает своей энергией воду и дает ее своим пациентам пить. Энергия с водой поступает поближе к больным участкам тела и исцеляет боли и болезни.

Но разница была в том, что там экстрасенс сам накладывал на воду свои руки и заряжал ее своей энергией. А тут я сидел в кресле в трехстах милях от Тетельбойма и держал в моих руках, простую банку с водой.

Со скептической миной на лице (но без всякой боли в позвоночнике) я выпил треть банки своей «живой воды», а еще грамм сто отлил в пластмассовый стаканчик и поставил в морозильник. Заодно сунул туда пару кусков мяса, которые купил вчера в «Great American» да оставил в пакетах на кухне, когда приехал со свиданья с друзьями.

И сел работать.

И до вечера работал, забыв о пояснице и вообще всей этой телепатической мистике. Ну, болела у меня спина, я посидел, расслабился, внушил себе, что меня лечит Тетельбойм и — вылечился. Не так ли?

Но вечером некая ноющая боль, такая, знаете, садняще-занозистая сволочь опять возникла в спине.

Я выключил компьютер — на сегодня хватит. И чтобы убрать боль в пояснице, допил «живую воду» из банки. И открыл холодильник, достал из морозильника пластмассовый стаканчик.

И вот тут я, честно говоря, опешил.

Было 10 часов вечера. Я поставил эту воду в морозильник в 10 часов утра. Морозильник у меня работает, как зверь — мясо, которое я туда сунул утром, замерзло колом. А вот вода... Из ста граммов воды замерзла только половина! А вторая половина плескалась себе в ледяной ванночке, как ни в чем не бывало, как чистый спирт.

Я слил эту воду в другой стаканчик, завернул лед в пластиковый пакет, лег на спину и приложил этот лед, извините за подробность, именно к копчику — туда, куда было мне велено.

А минут через двадцать встал — опять без всякой боли в спине.

На завтра Тетельбойм мне сказал, что вода не замерзла, потому что была насыщена энергией.

Я не берусь комментировать, я описал только то, что было.

Сейчас спина у меня не болит, хотя сырость вокруг ужасная — уже неделю идут сплошные дожди, черт бы их побрал. И потому в озере я больше не плаваю — до следующего лета.

Вы знаете такое русское выражение «как рукой сняло»?

Вот уже несколько дней это выражение не выходит у меня из ума. Откуда оно взялось? Да еще в таком великом и могучем, как русский язык? Не от тех ли целителей, которые, как Тетельбойм, боли рукой снимали?

Но тогда,— великий и могучий – будь мне свидетелем, что все здесь описанное — сущая правда.